

Тупик авторитарной модернизации

Попытки провести социально-экономическую модернизацию авторитарными методами бесперспективны: у российских властей отсутствуют соответствующие инструменты | **ВЛАДИМИР ГЕЛЬМАН**

В последнее время в российском экспертном сообществе и в политическом классе идут интенсивные дискуссии о перспективах модернизации России. Интерес к этой теме вызван не только и не столько появлением Дмитрия Медведева на посту президента страны, сколько тем, что значительная часть общественности стала осознавать: модель развития, которой Россия следовала, по крайней мере, после кризиса 1998 года, на сегодня исчерпана. Разразившийся в 2008 году новый экономический кризис побудил участников дискуссий от обсуждения проблем перейти к выработке практических рекомендаций. Существует множество точек зрения по поводу неотложных задач, стоящих перед нашей страной, и приоритетов ее развития — будь то новые технологии, инвестиции в человеческий капитал, преодоление демографического кризиса или снижение социального неравенства. Но среди независимых аналитиков и — тем более — облеченных властью должностных лиц и их интеллектуальной obsługi сложился неявный консенсус как минимум по одному вопросу. Почти никто из наблюдателей либо более или менее влиятельных участников российского политического процесса не рассматривает кардинальную

демократизацию сложившегося в России в 2000-е годы авторитарного режима как политический сценарий, который может быть осуществлен в обозримом будущем. Более того, практически никто не считает ее единственно возможным условием успешного развития страны. Тем самым по умолчанию многие российские политики и интеллектуалы исходят из представления о том, что наиболее реалистичным (а то и желательным) приоритетом развития нашей страны остается авторитарная модернизация — то есть успешное реформирование экономики и социальной сферы России при сохранении статус-кво во внутренней политике.

Насколько обоснованны подобные представления? Каковы шансы на успех авторитарных реформ в России? Есть ли силы, способные их провести, и что это за силы? И самое главное — насколько велики издержки такого курса реформ по сравнению с альтернативными вариантами развития? Поискам ответов на эти вопросы посвящена данная статья. Начав с обзора дискуссий об авторитарной модернизации в целом и в России в частности, я проанализирую через призму этих дискуссий российские процессы 1990–2000-х годов и более подробно остановлюсь на тех проблемах и противоречиях, которые ставят барьер

ры (на мой взгляд, непреодолимые) на пути авторитарной модернизации в России.

Модернизация: дебаты и аргументы

Поскольку под «модернизацией» в российском политическом дискурсе порой понимаются совсем разные явления — от внедрения технологических инноваций до замены всего плохого всем хорошим, — то для начала необходимо определиться с терминами. В социальных науках «модернизация» в самом общем виде означает процесс перехода тех или иных стран к современным обществам, предполагающий заимствование или создание базовых институтов по западному образцу¹. Данный процесс включает в себя как социально-экономическую составляющую (индустриализация, урбанизация, рост уровня образования, доходов и мобильности, распространение СМИ, уменьшение неравенства), так и политическую (распространение политических прав и гражданских свобод, становление электоральной конкуренции, разделение властей, партийных систем)². Собственно, наибольшую популярность концепции модернизации приобрели в 50–60-е годы XX века, когда на фоне крушения колониальных империй проходило становление государств, проводились экономические и политические преобразования в странах Азии, Африки и Латинской Америки. При этом, если экономическая модернизация в общем и целом рассматривалась как ключевая цель развития модернизирующихся обществ, то отношение специалистов к политической модернизации оказалось далеко не столь однозначным, размежевав их на два полярных лагеря. В то время как «либералы», вслед за Сеймуром Мартином Липсетом, связывали экономический рост с демократизацией и делали вывод о взаимной обусловленности политической и социально-экономической модернизации³, «консерва-

торы» обращали свое внимание на многочисленные негативные последствия процесса политической модернизации, связанные с нестабильностью режимов, кризисами управления, ростом конфликтов и политического насилия. Наиболее целостно такую точку зрения выразил Самьюэл Хантингтон в своей книге «Политический порядок в меняющихся обществах», где ключевым фактором успешной социально-экономической модернизации была названа способность властных институтов государства обеспечить управляемость данного процесса и минимизировать неконтролируемое участие в политике общества в целом и отдельных социальных групп⁴.

Хотя актуальность дебатов о модернизации в последующие десятилетия сошла на нет, представители обеих точек зрения находили все новые аргументы в поддержку своей позиции. При этом они опирались на анализ опыта как успешных, так и неудачных экономических и политических реформ в тех или иных странах, а также на различные интерпретации исторического опыта модернизации разных стран⁵. С одной стороны, многочисленные сравнительные исследования подтверждали тезис о том, что страны, более развитые в экономическом отношении, как правило, становятся демократиями, с другой — успешность экономического развития как демократий, так и недемократических стран различалась не существенно⁶. Иначе говоря, различия траекторий модернизации внутри групп демократических и авторитарных государств оказались не меньшими, чем между этими группами. Причину таких различий исследователи стали искать на пути анализа институтов, или «правил игры», создающих стимулы для успешной модернизации в условиях авторитарного правления⁷. Однако вопрос о причинах того, почему в одних авторитарных государствах институты оказываются эффективными, а в других — нет, пока остается без ответа.

Новый импульс дискуссиям о модернизации придало крушение коммунистических режимов и связанные с ним вызовы. В начале 1990-х годов немецкий социолог Клаус Оффе, размышляя о перспективах посткоммунистических трансформаций, утверждал, что они носят трехмерный характер. СССР и Восточная Европа стояли перед необходимостью смены (1) однопартийных режимов — конкурентными демократиями, (2) плановой системы в экономике — рыночными механиз-

м дистанцироваться от России, которая после 1945 года навязала этим странам коммунистические режимы, побуждало их правительства и народы следовать «правилам игры», привнесенным с Запада. По доброй воле или вынужденно, ради успеха посткоммунистической модернизации они отказались от части своего суверенитета. Но для России (как и некоторых других постсоветских стран) такой путь модернизации по ряду причин оказался закрыт; их посткоммунистическое

“По доброй воле или вынужденно, ради успеха модернизации страны посткоммунистической Европы отказались от части своего суверенитета”.

мами и (3) имперского устройства — национальными государствами⁸. Их «дилемма одновременности», по Оффе, заключалась в том, что если страны Западной Европы сперва прошли длительный путь национально-государственного строительства, затем сформировали основы капитализма и лишь позднее перешли к демократии, то странам посткоммунистической Европы предстояло решать эти задачи одновременно. Оффе пессимистически оценивал перспективы «тройной трансформации», говоря о соблазнах «последовательности» реформ, будь то национальное строительство в ущерб демократии (примером чего стала Сербия в 1990-е годы) или экономическая модернизация в ущерб политическим реформам. По прошествии лет опасения Оффе в отношении стран Восточной Европы все же оказались преувеличенными: несмотря на многочисленные кризисы и конфликты, они смогли в целом успешно решить задачи как экономической, так и политической модернизации. Это стало возможно благодаря не столько внутренним, сколько внешнеполитическим факторам: стремление стать частью Большой Европы и

политическое и экономическое развитие обуславливалось, прежде всего, внутренними факторами.

Между тем «дилемма одновременности», хотя и в иных терминах, накануне распада СССР активно обсуждалась и в нашей стране. Еще в 1989 году Андраник Мигранян и Игорь Клямкин выступили с критикой ускоренной демократизации, утверждая, что из-за слабости гражданского общества в СССР она приведет к хаосу⁹. Иными мотивами руководствовались Анатолий Чубайс и его ленинградские соратники, в марте 1990-го предложившие Михаилу Горбачёву проект рыночных преобразований, который предусматривал возможность силового ограничения нарождавшихся в тот период политических и гражданских свобод (таких, как свобода слова, права на забастовки и др.)¹⁰. Их аргументация строилась на том, что, подобно тому, как это произошло в ряде стран Латинской Америки, рыночные реформы в условиях демократизации могли быть повернуты вспять под напором популизма, а потому, по их мнению, наиболее эффективной стратегией экономической модернизации в

этой ситуации стала бы «изоляция» правительства от интересов социальных групп¹¹. Так или иначе, в начале 1990-х в России эти идеи оказались не востребованы: в условиях полного коллапса прежней системы в нашей стране тогда попросту неоткуда было взяться силам, которые были бы заинтересованы в экономических реформах и к тому же обладали бы «железной рукой» для их осуществления. Тем не менее в ранний постсоветский период были распространены представления о том, что экономическая модернизация в

а правительство, «изолированное» от политических предпочтений избирателей, во многом оказалось заложником «олигархов» и региональных лидеров¹³. Хотя отчасти такое положение дел стало следствием распада СССР, приведшего к административной и территориальной фрагментации нового российского государства¹⁴, с точки зрения строительства эффективных институтов, Россия в 1990-е годы не слишком преуспела по сравнению со странами Восточной Европы. Новые институты не только не

“Для проведения курса авторитарной модернизации лидеры могут опираться на один из трех институтов: бюрократию, «силовики» или доминирующую партию”.

России вполне возможна в условиях авторитаризма, а, в свою очередь, авторитарное правление является необходимым условием для успешной модернизации.

Развилки постсоветской модернизации

Системный кризис в России 1990-х годов однозначно предопределил отказ от «одновременности» реформ и приоритет экономических преобразований по отношению к политической модернизации. Это проявилось и осенью 1991 года, когда был наложен мораторий на проведение новых выборов; и осенью 1993 года, когда разгром парламентских противников Бориса Ельцина повлек за собой внедрение «суперпрезидентской» конституции; и в ходе президентских выборов 1996 года, когда было принято решение во что бы то ни стало сохранить политическое статус-кво, поскольку единственной реальной альтернативой была отмена выборов как таковых¹². Однако успехи экономической модернизации 1990-х годов следует оценивать как относительно скромные — глубокий трансформационный спад в стране длился вплоть до финансового кризиса 1998 года,

создавали стимулов к экономической и политической модернизации, но и не препятствовали сворачиванию с этого пути. И хотя фрагментация элитных группировок и конкуренция между ними в этот период не давали развиваться авторитаризму, но сами по себе они отнюдь не создавали демократические «правила игры». По точному замечанию политолога Лукана Вэя, в России (как и в некоторых других странах) в 1990-е годы преобладал «плюрализм по умолчанию»¹⁵. Это неустойчивое равновесие носило частичный характер и оказалось подорвано в 2000-е годы.

После прихода к власти Владимира Путина приоритеты экономической модернизации на первых порах воплотились в стремлении к преобразованиям — в начале 2000-х годов в России были запущены налоговая, пенсионная, земельная и ряд других реформ. Однако они сопровождались последовательным курсом на сужение политической (прежде всего, электоральной) конкуренции и ограничение гражданских свобод, чему способствовали и институциональные изменения: рецентрализация управления и

законодательства о политических партиях и выборах¹⁶. Такое противоречие между заявленным стремлением к экономической модернизации и фактическим отказом от политической модернизации порождало ряд конфликтов, самым наглядным из которых стало «дело ЮКОСа»¹⁷. Оно стало поворотным пунктом для развития России 2000-х годов: «плюрализм по умолчанию» сменился монополизмом Кремля, был официально санкционирован пересмотр прав собственности, что привело фактически к «захвату государства» теперь уже не «олигархами», а правящей группой. Экономические реформы оказались свернуты либо свелись к набору разрозненных и непродуманных мер (подобно проведенной в 2005 году «монетизации льгот»). Бурный рост цен на нефть в 2004–2008 годах и резкое увеличение масштаба ресурсной ренты окончательно свели на нет стимулы к преобразованиям¹⁸; сохранение статус-кво становилось целью российских властей как в политике, так и в экономике. Таким образом, программа авторитарной модернизации к концу 2000-х в России оказалась реализована лишь наполовину: признаки авторитаризма в стране были налицо, но в то же время о продвижении по пути модернизации говорить попросту не приходилось. Хотя «детские болезни» российских реформ 1990-х были более или менее преодолены, средства их лечения привели страну к хроническим заболеваниям: с точки зрения качества управления, практически все наблюдатели отмечали, что в 2000-е годы в стране наступил институциональный упадок¹⁹.

Между тем издержки сохранения статус-кво для российских властей росли по мере того, как планы модернизации подменялись бессодержательными официозными заклинаниями типа «Россия встает с колен». Неэффективность иерархической «вертикали власти» и имманентно присущая ей чудовищно высокая коррупция²⁰, перманент-

ные конфликты между «башнями Кремля» за передел ресурсной ренты, чувствительные поражения на внешнеполитической арене — лишь некоторые характеристики политико-экономического управления в России накануне начавшегося в 2008 году экономического кризиса, который лишь усугубил эти проблемы. Риторика модернизации, привнесенная в российский политический дискурс Дмитрием Медведевым, отчасти отражала глубокое разочарование подобным развитием событий и неудовлетворенность итогами путинского правления. Но, несмотря на обилие деклараций о стремлении к экономической модернизации, которые содержатся в выступлениях президента Медведева²¹, по всей видимости, дальше словесных заявлений дело не пойдет. Причины здесь следует искать не только и не столько в текущей политической конъюнктуре — не в том, что «хорошему» Медведеву препятствуют «плохой» Путин и его приближенные, превратившиеся в новых «олигархов». Они обусловлены куда более глубокими дефектами программы авторитарной модернизации, которые препятствуют ее осуществлению в сегодняшней России.

Авторитарная модернизация: миссия невыполнима

Говоря о неудачах проектов авторитарной модернизации, часто ссылаются на тот неоспоримый факт, что у лидеров авторитарных режимов недостает стимулов для проведения последовательного курса социально-экономической модернизации: они редко склонны к радикальным преобразованиям, а порой и не способны к ним. Не удивительно, что критически настроенные эксперты отмечают слабость реформистского потенциала и у российского президента²². Но поставим вопрос иначе: допустим, что «модернизация» — это не просто слова, но и реальные намерения создать в России современную

экономику и эффективную систему управления. Способен ли нынешний российский авторитарный режим воплотить их в жизнь?

Набор политических инструментов для проведения курса авторитарной модернизации довольно ограничен: лидеры авторитарных режимов могут опираться на один из трех институтов: бюрократию, «силовиков» или доминирующую партию (в той или иной комбинации). Это различие соответствует трем основным типам авторитарных режимов: бюрократические, военные и однопар-

находился в состоянии глубокого институционального упадка еще к моменту распада СССР, и последующие реорганизации 1990-х годов ситуацию в этом плане, как минимум, не улучшили²⁵. В 2000-е годы, на фоне свертывания политической конкуренции и свободы слова, бюрократия попросту вышла из-под контроля руководства страны, в свою очередь более заинтересованного в краткосрочной политической лояльности чиновников, нежели в долгосрочной эффективности их работы²⁶. Результаты не заставили себя

“В отсутствие политической подотчетности российская бюрократия оказывается заинтересована в сохранении статус-кво, а не в модернизации”.

тийные²³. Но ни один из этих инструментов непригоден для модернизации в условиях сегодняшней России.

Говоря о бюрократической авторитарной модернизации, обычно имеют в виду «вариант Ли Кван Ю» в Сингапуре: реформаторский лидер маленького государства смог успешно создать «с нуля» эффективный бюрократический аппарат и, опираясь на него, «жесткой рукой» провел глубокие экономические преобразования, превратив город-государство в мировой финансовый и экономический центр. Однако такой сценарий авторитарной модернизации выглядит нереалистичным в случае других государств, не способных создать для чиновничества подобные стимулы. Как минимум, он требует достаточно высокой автономии государства, то есть изоляции бюрократии от влияния со стороны групп специальных интересов, и «вебериянского» качества государственного управления²⁴, позволяющего реализовать избранный политический курс. В государственном управлении России таких условий сегодня нет, да и не предвидится. Административный аппарат в нашей стране

ждать: и Путин, и Медведев вынуждены были признать коррупцию чиновничества одной из самых серьезных неразрешимых проблем своего правления.

Превращению российской бюрократии в инструмент модернизации препятствует не только низкая эффективность, но и стремление руководства страны повысить ее исключительно путем усиления иерархического контроля в системе управления. Не удивительно, что в стране с огромной территорией, большой численностью населения и значительным по масштабам общественным сектором, где роль бюрократии в жизни общества по определению высока, такой путь ведет к повышению издержек контроля до запретительно высокого уровня. Проще говоря, вышестоящие звенья российской бюрократии не способны контролировать нижестоящие звенья, которые систематически дезинформируют руководство о положении дел. Такое усугубление принципал-агентских отношений невозможно преодолеть одной только расстановкой на значимые посты сторонников модернизации, лояльных по отношению к государствен-

ной власти, — их в любом случае не хватит на всю страну²⁷. Таким образом, в отсутствие политической подотчетности российская бюрократия оказывается заинтересована в сохранении статус-кво, а не в модернизации.

«Силовой» сценарий авторитарной модернизации зачастую ассоциируется с «вариантом Пиночета», которого в начале 1990-х годов часть российских либералов числила своим кумиром. Чилийский опыт, когда армия, придя к власти, успешно подавила оппозицию, предоставив при этом либеральным реформаторам свободу рук в экономике, во многом остается исключением, подтверждающим правило: «силовики»²⁸ очень редко оказываются агентами модернизации. Для этого силовые структуры должны, как минимум, возглавляться лидерами, которые убеждены в необходимости реформ, и обладать весьма высоким уровнем структурной интеграции и групповой автономии; кроме того, они не должны быть слишком глубоко вовлечены в экономику. Сочетание таких характеристик в мире встречается нечасто; тем более, оно совершенно не присуще нашей стране. Еще с советских времен силовые структуры прямо или косвенно контролировали значительные экономические ресурсы (от ВПК до ГУЛАГа), находились в состоянии острой межведомственной конкуренции (которую провоцировали лидеры страны по принципу «разделяй и властвуй»)²⁹, а их и без того ограниченная автономия к моменту распада СССР «скукожилась» до минимума. Поэтому в постсоветской России армия проявила пассивность³⁰ и в 2000-е годы утратила роль значимого политического актора. Что же до правоохранительных органов, то в 1990-е годы они подверглись весьма масштабной фрагментации, все в большей мере включаясь в занятия бизнесом³¹ на фоне ослабления механизмов политического контроля. Поэтому не удивительно, что когда после 2000 года статус силовиков резко повы-

сился, а их влияние существенно расширилось³², они использовали новые возможности исключительно для того, чтобы принять масштабное участие в извлечении ренты, а вовсе не для того, чтобы реализовывать собственный модернизационный проект. По сути, главной целью и основным содержанием деятельности правоохранительных органов стало «крышевание» бизнеса, что, в свою очередь, провоцировало конфликты между разными группировками в их среде, а отдельные попытки воспрепятствовать этим процессам оказались безуспешными³³. Проведенное под руководством Михаила Афанасьева исследование российских элит убедительно показало: именно «силовики» демонстрируют минимальное стремление к проведению курса модернизации³⁴. Таким образом, не только не приходится говорить всерьез о возможности реализации в России «силового» сценария модернизации, но, напротив, создание взамен нынешних «силовых крыш» эффективных и подконтрольных обществу правоохранительных органов является для России одной из важнейших задач государственного строительства.

Наконец, несостоятельными в российском случае выглядят и надежды на осуществление авторитарной модернизации с опорой на доминирующую партию. Казалось бы, опыт не только китайских реформ, но и ряда некоммунистических режимов (подобно Мексике в 1930—1980-е годы) говорит о том, что иерархическая централизованная партия способна не только к долгосрочному удержанию господства, но и к успешному проведению социально-экономических преобразований. Однако «Единая Россия» едва ли годится на роль, подобную Компартии Китая или мексиканской *PRI* («вариант Карденаса»)³⁵. Скорее, сопоставление опыта ее деятельности в 2000-е годы с опытом российской «партии власти» заставляет говорить о том, что роль последней в принятии политиче-

ских решений на всех уровнях власти, мягко говоря, незначительна. Это связано не только с российским институциональным дизайном — в условиях сильной президентской власти доминирующая партия неизбежно обречена на второстепенную роль, — но и с институциональным наследием советского периода. Хотя КПСС, претендовавшая на интеграцию различных сегментов общества, была способна контролировать государственный аппарат и порой характеризовалась как «партия-государство», неэффективность партийного руководства экономикой и государственным управлением в последние десятилетия СССР фактически закрыла дорогу к воссозданию этой модели. В превращении «партии власти» во влиятельный политический институт в России не заинтересован ни административный аппарат, ни политическое руководство страны, которому выгоднее поддержание нынешнего механизма взаимоотношений между государством и партией: аппарат управления в нем играет ведущую роль, а «партия власти» выступает лишь ведомой. На практике «Единая Россия» не обладает необходимой для проведения политического курса автономией³⁶, лишена сколько-нибудь содержательной идеологии (если под таковой не понимать поддержку статус-кво) и служит лишь электоральным и законодательным придатком исполнительной власти. Примечательно, например, что «Единая Россия» так и не стала ключевым каналом рекрутирования в административную элиту: сегодня в ее состав попадают скорее по каналам патронажно-клиентельных связей, чем по партийной линии³⁷. Поэтому даже если предположить, что Кремль даст указания «Единой России» проводить курс модернизации через партийные структуры, окажется, что собственных рычагов влияния как на общественность, так и на административный аппарат у «партии власти» не существует. Реализация такого курса, скорее

всего, обернулась бы очередной пропагандистской кампанией и показухой, и не более того.

Резюмируя, следует отметить, что отсутствие у российских властей инструментов для авторитарной социально-экономической модернизации делает подобные попытки бессмысленными — в лучшем случае они ограничиваются заимствованием технологических инноваций типа высокоскоростного Интернета, в худшем — приобретают характер «потемкинской модернизации», призванной создать благоприятный имидж руководства страны в глазах зарубежных инвесторов. Осознание бесперспективности такого политического курса и стремление повернуть вектор развития нашей страны в сторону демократизации, казалось бы, присущи и значительной части российских элит³⁸. Почему же тогда спрос на политическую модернизацию остается непредъявленным на российской политической сцене?

Из тупика: императив демократизации

Парадоксально, но для ряда сторонников модернизации в России бесплодные усилия по проведению в жизнь экономических преобразований в условиях авторитарного режима представляются «меньшим злом» по сравнению с теми издержками, которыми может сопровождаться политическая модернизация. Примечательно, например, высказывание Анатолия Чубайса: «Представьте, организовали в стране по-настоящему полностью демократические выборы, основанные на волеизъявлении трудящихся с равным доступом к СМИ, к деньгам... Результат таких выборов оказался бы на порядок хуже, а возможно, просто катастрофичен для страны»³⁹. В сходном духе Юлия Латынина отмечает, что «модель, принятая Путиным, сознательно воспроизводит нищету и необразованность», а поскольку «демократия в нищей стране кончается диктатурой, кончается

Шариковым — народ хочет всё поделить», то единственный выход для России — в том, что «быть диктатурой совершенно недостаточно, важно быть хорошей диктатурой. Важно быть как в Сингапуре или как в Чили, а не как на Филиппинах или как на Гаити»⁴⁰. В самом деле, можно, опираясь на убедительные результаты сравнительных исследований, утверждать, что «хорошие диктатуры» успешнее реализуют модернизационный проект, чем «плохие демократии»⁴¹. Но поскольку шансов на то, что российский авторитаризм способен стать «хорошей диктатурой», «как в Сингапуре или как в Чили», сегодня нет, то такая логика фактически направлена на поддержание статус-кво, провоцируя тем самым имитацию модернизационных усилий, способных лишь затянуть нашу страну в порочный круг, «как на Филиппинах или как на Гаити».

Насколько оправданны опасения, что в случае перехода (или, скорее, возврата) нашей страны на путь политической модернизации (читай — демократизации политического режима) популистские чаяния закроют дорогу для экономических преобразований? Если судить по опыту той же Украины после «оранжевой революции», они далеко не беспочвенны. Однако следует отдавать себе отчет в том, что чем дольше откладывать демократизацию, тем больше возрастают риски того, что намерение «всё поделить» рано или поздно и впрямь окажется реализовано в нашей стране, причем в наименее цивилизованных формах. Напротив, «дилемма одновременности» выглядит сегодня для России даже более актуальной, нежели в

начале 1990-х годов, когда она была сформулирована. Необходимость совместить политическую и экономическую модернизации (наряду с модернизацией национально-государственного устройства страны)⁴² становится императивом для политиков, заинтересованных в выходе России из авторитарного тупика и понимающих, что демократизация нашей страны неизбежна и необходима.

В жизни довольно часто случается, что не снабженный дорожной картой водитель на той или иной развилке сворачивает на дорогу, ведущую в тупик, — от ошибок в подобной ситуации не застрахован никто. Хороший водитель отличается от плохого не тем, что он никогда не попадает в тупик, а тем, что способен, вовремя признав ошибку, поменять направление движения, вернуться на развилку и в конце концов выбрать верный путь. Но плохой водитель, забравшись в тупик, либо так там и остается, либо начинает искать путь по бездорожью, сваливаясь в кювет, либо возвращается на развилку слишком поздно, когда в баке уже не остается бензина. Советский опыт авторитарной модернизации служит как раз примером такого рода — реформирование советской системы в период перестройки началось слишком поздно, когда оказалось, что Советский Союз невозможно улучшить: к тому моменту его можно было лишь уничтожить. Будущее покажет, удастся ли России вернуться из сегодняшнего тупика на путь модернизации (и если да, то с какими издержками), или этот путь надолго, если не навсегда, останется закрытым для застрявшей в тупике страны. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ См.: *Цанф В.* Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социологические исследования. 1998. № 8. С. 18. В рамках данного подхода «вестернизация» является неотъемлемой частью процесса модернизации.

² Отдельным и весьма важным аспектом модернизационных процессов является также и социокультурная модернизация, связанная с изменением массовых ценностей и установок и массового поведения. Однако ее анализ выходит за рамки настоящей статьи.

³ *Lipset S.* Political Man: The Social Bases of Politics. N. Y.: Doubleday, 1960. P. 27–63.

⁴ *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-традиция, 2004.

⁵ *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект-пресс, 1999; *Травин Д., Марганя О.* Европейская модернизация. М.: АСТ, 2004.

⁶ *Przeworski A., Alvarez M., Cheibub J., Limongi F.* Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World: 1950–1990. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000.

⁷ *Olson M.* Democracy, Dictatorship, and Development // American Political Science Review. 1993. Vol. 87. No 3. P. 567–576; *Geddes B.* Politician's Dilemma: Building State Capacity in Latin America. Berkeley, CA: Univ. of California Press, 1994.

⁸ *Офффе К.* Дилемма одновременности: демократизация и рыночная экономика в Восточной Европе // Повороты истории: Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей / Ред.-сост.: П. Шгыков, С. Шваниц; науч. ред. В. Гельман. М.; СПб.: Летний сад, 2003. Т. 2. С. 6–22. Сходные аргументы см.: *Пшеворский А.* Демократия и рынок: Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОССПЭН, 1999. Гл. 4.

⁹ Нужна «железная рука»? // Литературная газета. 1989. 16 авг.

¹⁰ «Жестким курсом...». Аналитическая записка Ленинградской ассоциации социально-экономических наук // Век XX и мир. 1990. № 6. С. 15–19.

¹¹ См.: *Haggard S., Kaufman R.* The Political Economy of Democratic Transitions. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1995.

¹² *Шевцова Л.* Режим Бориса Ельцина. М.: РОССПЭН, 1999; *McFaul M.* Russia's Unfinished

Revolution: Political Change from Gorbachev to Putin. Ithaca, NY: Cornell Univ. Press, 2001.

¹³ *Hellman J.* Winners Take All: The Politics of Partial Reforms in Post-Communist Transitions // World Politics. 1998. Vol. 50. No 2. P. 203–234; *Shleifer A., Treisman D.* Without a Map: Political Tactics and Economic Reform in Russia. Cambridge, MA: MIT Press, 2000.

¹⁴ *Bova R.* Democratization and the Crisis of the Russian State // State-Building in Russia: The Yeltsin's Legacy and the Challenge of the Future / G. Smith (ed.). Armonk, NY: M.E. Sharpe, 1999. P. 17–40; *Волков В.* Силовое предпринимательство. М.–СПб.: Летний сад, 2002.

¹⁵ *Wray L.* Authoritarian State Building and the Sources of Regime Competitiveness in the Fourth Wave: The Cases of Belarus, Moldova, Russia, and Ukraine // World Politics. 2005. Vol. 57. No 2. P. 231–261.

¹⁶ *Гельман В.* Возвращение Левиафана? Политика рецентрализации в современной России // Полис. 2006. № 2. С. 90–109; *Голосов Г.* Электоральный авторитаризм в России // Pro et Contra. 2008. Т. 12. № 1. С. 22–35.

¹⁷ *Волков В.* «Дело Standard Oil» и «Дело ЮКОСа» // Pro et Contra. 2005. Т. 9. № 2. С. 66–91; *Tompson W.* Putting “Yukos” in Perspective // Post-Soviet Affairs. 2005. Vol. 21. No 2. P. 159–181.

¹⁸ *Fish M. S.* Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005. P. 114–138; *Щербак А.* «Нефтяное проклятие» и постсоветские режимы: политико-экономический анализ // Общественные науки и современность. 2007. № 1. С. 47–56.

¹⁹ См. обзор: *Заостровцев А.* Модернизация и институты: подходы к количественному измерению (http://www.eu.spb.ru/images/M_center/zaostrovsev_modern_inst.pdf; доступ 25 октября 2009 года).

²⁰ *Рыженков С.* Локальные режимы и «вертикаль власти» // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (в печати).

²¹ *Медведев Д.* Россия, вперед! (http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml; доступ 29 октября 2009 года).

²² См., например: *Милов В.* Стоп, Россия! (<http://www.gazeta.ru/column/milov/3260272.shtml>; доступ 29 октября 2009 года) и ряд других откликов.

²³ *Geddes B. Paradigms and Sand Castles: Theory Building and Research Design in Comparative Politics.* Ann Arbor, MI: Univ. of Michigan Press, 2003. P. 47–88.

²⁴ *Эванс П., Раух Дж.* Бюрократия и экономический рост: межстрановой анализ воздействия «веберизации» государственного аппарата на экономический рост // *Экономическая социология.* 2006. Т. 7. № 1. С. 38–60.

²⁵ *Brym R., Gimpelson V.* The Size, Composition, and Dynamics of the Russian State Bureaucracy in the 1990s // *Slavic Review.* 2004. Vol. 63. No 1. P. 90–112.

²⁶ Об этом, например, свидетельствует практика назначений и отставок российских губернаторов после отмены губернаторских выборов. См.: *Титков А.* Кризис назначений // *Pro et Contra.* 2007. Т. 11. № 4–5. С. 90–103.

²⁷ Не случайно громко анонсированное Дмитрием Медведевым в 2008 году создание «кадрового резерва» кандидатов на ключевые посты в государственном управлении оказалось очередной кампанией *ad hoc* и практически сошло на нет.

²⁸ Этим понятием обозначаются здесь как вооруженные силы, так и спецслужбы, несмотря на все различия между ними.

²⁹ Примером такого рода может служить борьба за власть и сферы влияния между МВД и КГБ в начале 1980-х годов.

³⁰ *Taylor B.* Russia's Passive Army: Rethinking Military Coups // *Comparative Political Studies.* 2001. Vol. 34. No 8. P. 924–952.

³¹ *Волков В.* Силовое предпринимательство. С. 187–194.

³² *Крыштановская О.* Режим Путина: либеральная милитократия? // *Pro et Contra.* 2002. Т. 7. № 4. С. 158–180.

³³ *Черкесов В.* Нельзя допустить, чтобы войны превратились в торговцев // *Коммерсантъ.* 2007. 9 окт. (<http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=812840>; доступ 29 октября 2009 года).

³⁴ *Афанасьев М.* Российские элиты развития: запрос на новый курс. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2009.

³⁵ *Гельман В.* Перспективы доминирующей партии в России // *Pro et Contra.* 2006. Т. 10. № 4. С. 62–71; *Гомберг А.* Эволюция в условиях диктатуры // *Pro et Contra.* 2008. Т. 12. № 1. С. 46–61.

³⁶ *Хантингтон С.* Указ. соч. С. 38–40.

³⁷ *Гельман В.* Политические партии в России: от конкуренции — к иерархии // *Полис.* 2008. № 5. С. 135–152; *Голосов Г.* Указ. соч.

³⁸ *Афанасьев М.* Указ. соч.

³⁹ Куда не уйдет Чубайс // *New Times.* 2008. № 6. 11 февр. (<http://newtimes.ru/articles/detail/4770/>; доступ 29 октября 2009 года).

⁴⁰ Передача «Код доступа» на Радио «Эхо Москвы», 17 октября 2009 года (<http://www.echo.msk.ru/programs/code/627472-echo/>; доступ 29 октября 2009 года).

⁴¹ См., в частности: *Полтерович В., Попов В.* Демократия, качество институтов и экономический рост // *Прогнозист.* 2006. № 3. С. 115–132.

⁴² См., например: *Бусыгина И., Филиппов М.* Проблема вынужденной федерализации // *Pro et Contra.* 2009. Т. 13. № 3–4. С. 125–138.